

УДК 130.1

DOI 10.18413/2712-746X-2020-45-1-164-171

**ЦЕННОСТЬ ИНДИВИДУАЛЬНОГО
(К ИСТОЛКОВАНИЮ ФЕНОМЕНОЛОГИИ М. ВЕБЕРА
В ТРУДАХ А.Я. ГУРЕВИЧА)**

**THE VALUE OF THE INDIVIDUALITY
(NOTES ON THE PHENOMENOLOGY OF M. WEBER IN THE LAST BOOK
OF ARON Y. GUREVICH)**

**Д.И. Гладков
D.I. Gladkov**

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

Belgorod National Research University,
85 Pobedy St, Belgorod, 308015, Russia

E-mail: 443753@bsu.edu.ru

Аннотация

Предложены результаты исследования методологических постановок и решений проблемы индивидуальности в эпистемологии исторического знания А.Я. Гуревича. Внимание к феноменологической «понимающей» социологии М. Вебера является ключевым в исследованиях проблемы индивидуального в трудах А.Я. Гуревича. В связи с этим уточнены основные контексты и эпистемологическая семантика исследовательского восприятия и интерпретации Гуревичем веберовских познавательных установок. Обосновано, что когнитивные возможности веберовской эпистемологии обеспечивают историку свободу внутри избираемого им пространства теоретических предположений и первичных категоризаций; проблема индивидуальности для Гуревича является, прежде всего, проблемой экзистенциального выбора самого практикующего историка – упрочения историчности собственного мышления, несводимого к внешним оценкам, дающего себя знать через отнесение к ценностям, готового к новому самопостроению, усмотрению и фактической реконструкции «чужой» индивидуальности в собственно историографических практиках. Намечены перспективы исследования методологических установок А.Я. Гуревича в отношении проблемы индивидуального в их связи с современным состоянием исторической антропологии и в целом теоретических парадигм исторического познания.

Abstract

The article presents the main results of the study of methodological settings and solutions to the problem of individuality developed by A.Ya. Gurevich. Attention to M. Weber's phenomenological or “understanding” sociology as an epistemological key to research of the problem of individuality is acted in almost all the historical analyzes and writings of A. Ya. Gurevich; the article clarifies the main contexts and epistemological semantics of the research perception and interpretation of Gurevich's Weberian cognitive attitudes. It is proved that the cognitive capabilities of Weberian epistemology provide the historian with freedom within his chosen space of theoretical assumptions and primary categorizations; hence, the problem of individuality solved by Gurevich is rather the problem of personality or existential choice of the practicing historian himself to consolidate the historicity of his own thinking, not reducible to external assessments, making himself felt through attribution to values, ready for being in the personality of another, or discretion and actual reconstruction of the “alien” individuality in a lot of historiographic practices. The article outlines the prospects for the study of methodological settings A.Ya. Gurevich (in relation to the individual problem) in their connection with the current state of historical anthropology and some theoretical paradigms of historical knowledge.

Ключевые слова: историческое знание, индивидуальность, феноменология, идеальный тип, ценность, М. Вебер, А.И. Неусыхин, А.Я. Гуревич.

Keywords: historical knowledge, individuality, phenomenology, ideal type, value, M. Weber, A.I. Neusykhin, A.Ya. Gurevich.

Понятие индивидуальности относится к числу ключевых в истории европейского культурного самосознания. Его латинская этимология как некоего «не поддающегося дальнейшему делению ядра», характеризующего человека «в его неповторимости, интимной сущности» [Кнабе, 1990, с. 10] берет свое начало в древнегреческом речевом пространстве философского мышления, «старого как мир» [Баткин, 1989, с. 3]. Между тем только в возрожденческом и новоевропейском контекстах интеллектуальной истории, в которых доминирует *cogito, ergo sum*, становится возможным обособить индивидуальное – начать дорожить им, как некоторой ценностью, и, стало быть, начать относиться с некоторой исследовательской дотошностью к фактическим проявлениям индивидуального (мнению, образу жизни и т.д.) и понимать саму индивидуальность как некий дар быть собою. По словам Л.М. Баткина, «ярко своеобразные люди встречались, конечно, всегда и всюду... однако это не означает, что во всякую эпоху такие люди сами дорожили в себе – и общество в них – именно личной оригинальностью, или хотя бы признавали ее естественным человеческим свойством, или вообще замечали и знали, что это такое» [Баткин, 1989, с. 3].

Методологические постановки и решения проблемы индивидуальности в исторической науке интенсифицировались к исходу XIX столетия в общей обстановке смены познавательных парадигм, некоторого общего интереса к человеческому в истории, который, впрочем, получил довольно прихотливое развитие. Двадцатое столетие дало образцы заинтересованности историков в исторической индивидуальности как некотором ансамбле практик, ценностно консолидируемом обмене деятельностью, часто в рамках неких общих социальных заданий, в связи с массовыми общественно-политическими движениями. Предметное усмотрение и исследование индивидуального происходило на антропологических границах различных исторических практик (от различных форм интеллектуальной истории до истории правосознания, некоего права быть индивидуальным), однако во всех случаях при исследовании исторической индивидуальности давал себя знать ее социальный «другой», «чужое Я», которое проявлялось то в универсалиях исторического исследования, то через некоторые неопознаваемые в самом исследовании формы исторического самосознания [Ольхов, 2011]. Осмыслить эти границы, описать их, представить как жизненные формы индивидуального самосознания, свободные и ценностно конкретные поведенческие практики и др. – нелегкие задачи, которые решали и продолжают решать историки, ангажированные индивидуальным. Вопрос о методологическом ресурсе историографии индивидуального является вполне открытым и в ситуации нашего времени.

В России интерес к индивидуальному в истории уже в 20–30-е гг. XX в. был радикальным образом социологизирован – отведен на героико-биографические рубежи историографии крупных социальных революций, национально-освободительных движений, истории национальной науки и т. п. Преобразование социологизирующего подхода к индивидуальному систематическим образом началось в конце 80-х – 90-е гг. XX в. и первоначально имело характерно культурологическую направленность. В первом крупном сборнике статей-манифестов этого времени, посвященном человеку в истории, – альманахе «Одиссей» – не было ни одной статьи, в которой бы возобновлялась или ставилась под вопрос проблема индивидуального в ее специальной методологической или эпистемологической постановке, в связи с теми герменевтическими ключами, которые были созданы интеллектуалами конца XIX – начала XX вв. [Одиссей, 1990]. Доминировали культурологические формы рефлексии историографического опыта; отечественное историческое общество только налаживало диалог с собою, понимая его с некоторым контридеологическим усилением как альтернативную универсализирующей социологии марксизма

«форму эпистемологического свободомыслия» [Ольхов, 2018, с. 29]. Контекстуализировали эти первые систематические подступы к индивидуальному классические контексты философии истории (от Р. Декарта до Г.В.Ф. Гегеля и К. Маркса) и только еще осваиваемые в историческом сообществе труды М.М. Бахтина. Обширные свидетельства культурологического переоткрытия индивидуального в исторической науке содержатся в беспрецедентной «Истории историка» – исповеди-автобиографии крупнейшего отечественного медиевиста А.Я. Гуревича; в этой же книге – заметки о методологической уместности в исследовании индивидуального феноменологического наследия М. Вебера, в течение большей части XX в. отчужденного от исследовательских практик большинства отечественных историков.

Опыт А.И. Неусыхина

Уточняя основания своего познавательного интереса к индивидуальному, А.Я. Гуревич весьма внимательно исследует труды А.И. Неусыхина, решавшего вопрос индивидуальности историка, ценностных условий его возможности в идеологической ситуации историографии «без выбора», преимущественно марксистской. В конце 20-х годов, когда А.И. Неусыхину было 25–27 лет, на него огромное впечатление произвели работы М. Вебера: «Двадцатые годы прошли, условно говоря, “под знаком Макса Вебера”. После длительного молчания, в 40-е и последующие годы он писал “под знаком Энгельса”» [Гуревич, 2012, с. 90]. Изнутри марксистской традиции такая перемена может быть представлена историцистски: «Эти переходы ученого от конкретных исследований к обобщающим работам совершенно закономерны и связаны с самим пониманием задач и особенностей исторической пауки. Да и переходами их можно назвать лишь условно – в том смысле, что в разные периоды одно превалировало над другим, но всегда и та и другая стороны его исследовательской деятельности были теснейшим образом связаны и взаимно переплетались. У Александра Иосифовича (и это во всех сферах его жизни и творчества) был особый дар постижения индивидуального в соотношении с целым, любовь к детализации, умение видеть важное и существенное в, казалось бы, незначительных мелочах» [Мильская, 1974, с. 13–14].

Позиция самого А.И. Неусыхина скорее холистична: «Так называемый "смысл жизни (или, точнее, объяснение целесообразности существования человеческого рода на земле", его "понимание", "созерцание", "сопереживание", сказал бы я, да еще распространив эти понятия на постижение и человечества, и космоса) может быть постигнут лишь как смысл своей жизни, применительно к отдельному субъекту» [Мильская, 1974, с. 13]. «Это не отказ от решения проблемы путем ее забвения, а единственно возможное ее решение путем ее "индивидуализации" (отнюдь не в смысле романтического "индивидуализма", а как раз наоборот – в смысле познания своей индивидуальности как части космического и всечеловеческого целого, но такого целого, постижение коего возможно лишь в данной, конкретной, несовершенной и преходящей индивидуальности, несмотря на все ее несовершенство). Закон целостности бытия и закон его индивидуализации... коррелятивны, т. е. необходимо дополняют друг друга и взаимно соотносены» [там же, с. 18]. В такого рода холизме нет особых новинок, но он вполне соответствует исканиям того исторического целого, которое довольно широко давало себя знать в философии и методологии исторической науки (в том числе и фундаментальной «Методологии истории» А.С. Лаппо-Данилевского, старшего современника А.И. Неусыхина). Другое дело, что это холизм без последствий, метаисторически, идейно балансирующий между разнородными методологическими программами («Общее нам дано в истории только как индивидуальное, ибо оно никогда не выступает изолированно, а всегда входит в состав какого-нибудь индивидуального исторического целого» [Неусыхин, 1994, с. 675]).

А.Я. Гуревич уточняет экзистенциальное измерение опыта А.И. Неусыхина – одного из важнейших для него историков методологически переходного склада, –

обнаруживает в его трудах «отчетливую тенденцию подтянуть, приблизить Вебера к Марксу, сгладить очевидные противоречия между ними, сделать его приемлемым для историков-марксистов» [Гуревич, 2012, с. 112]. В более мягкой форме об этом писал Д.М. Петрушевский (из поколения учителей и старших современников А.И. Неусыхина): «При всем интересе и способностях к социологическим обобщениям, он (А.И. Неусыхин) всегда был ученым с ярко выраженным историческим мышлением (он и у Макса Вебера, через увлечение которым прошел, более всего ценил способность оставаться историком, его близость в некоторых аспектах к историческому мышлению Маркса, которую в своей увлеченности марксистским материалистическим пониманием истории он тогда в блестяще написанных статьях о Максе Вебере в известной мере преувеличил)» [Цит. по: Мильская, 1974, с. 15].

Сам же Гуревич, размышляя над веберовской феноменологией, движется в ином не холистском и нисколько не метаисторическом направлении. Он не стремится к логической изысканности в поисках индивидуального; собственно индивидуальное усматривается им как некое фактическое условие понимания социальных, неотчуждаемых от индивида сторон его жизни. Признаваясь, что не слишком заботится насчет поиска обособленных идеальных форм понятий «личность» и «индивидуальность» [Гуревич, 2012, с. 23], Арон Яковлевич стремится к постановке и решению проблемы индивида (личности) как несубстанциального, развивающегося в определенных общественных условиях исторического лица с неповторимыми социально-историческими очертаниями¹. Историческое исследование, стало быть, стоит вести по эту, социальную сторону его антропологических границ, уточняя, «какие стороны человеческого Я приобретали в том или другом социально-культурном контексте особое значение» [Гуревич, 2012, с. 23]. В связи с этим оставляется без особого внимания и вопрос о корреспондирующих истинах философии и методологии исторического знания как вопрос другой, несобственно методологической природы («я не собираюсь сравнивать Маркса и Вебера, считаю, что один был выдающимся мыслителем второй половины XIX века, а другой – первой половины XX века» [Гуревич, 2012, с. 210]). Это характерное для А.Я. Гуревича остранение от холистичной заботы о сопряжении смыслов – поворот в сторону несубстанциальных смыслов индивидуального – нейтрализовало возможные страхи относительно идейной несовместимости Маркса и Вебера в советском историографическом мире (от чего не был свободен, скажем, теоретически основательный и идеологически осторожный М.А. Барг, современник А.Я. Гуревича, трактовавший Вебера *ex cathedra* как «не более, чем эклектика», а в кулуарах шепотно замечавший, что «Карл Маркс – пигмей по сравнению с Максом Вебером» [Гуревич, 2012, с. 210]).

Методологическое движение А.Я. Гуревича связано с культурологическим контекстом, с самой категориальной инстанцией культуры, которая нуждается в несубстанциальном понимании. «Я думаю, что личность представляет собой своего рода "средний член" между обществом и культурой. Поскольку существует общество, т.е. некоторая совокупность людей, организованных каким-то образом, и поскольку у этих людей существует определенное сознание и система ценностей, регулирующая их поведение, одним словом, некая "культура" (в том смысле, в каком это слово употребляют этнологи-антропологи), то член общества, обладающий характерной для данного общества культурой, тем самым является личностью» [Гуревич, 1998, с. 240]. Это методологическая установка, которая ищет выход за пределы тех объяснительных схем, которые требуют объективации исторической индивидуальности, ставят под вопрос собственно «объективную реальность» как неэффективную идеологическую инстанцию исторического знания; при этом речь нисколько не идет о профанировании объективного; больше и интенсивнее

¹ Ср.: «"Индивидуальность" – это такая человеческая личность, которая осознает не просто самое себя, а осознает свою специфичность, неповторимость, обособленность» [Гуревич, 1998, с. 238].

всего Гуревич ищет условий возможного обращения к познавательным универсалиям – в меру их феноменологической доступности (в «Истории историка» это предстает как попытка выявить собственную историчность – «и тем самым свою индивидуальность» [Щедрина, 2013, с. 140]).

Отнесение к индивидуальному

Заметки о М. Вебере в книге-исповеди А.Я. Гуревича немногочисленны и в самых содержательных своих частях насыщены оптимизмом. Веберовское социально-феноменологическое наследие осмысливается им как источник реалистичных смыслов исторического исследования – познавательно свободного действия без метаисторического априоризма и жесткой схематизации какой бы то ни было «идеи истории» или «объективной реальности» как таковой¹. Это прежде всего этический эмпиричный реализм, который предполагает от историка максимума искренности в отношении собственных предпосылок и познавательных условий. Отбросить идеологический артистизм и уточнить насколько возможно историчность собственного мышления, его ценностно-индивидуального ядра, несводимого к внешним оценкам, дающего себя знать через *отнесение* к ценностям, готового к новому самопостроению, усмотрению и фактической реконструкции чужой индивидуальности и т. д., – так конкретно и профессионально жизненно принимает Гуревич «понимающую» социологию М. Вебера; веберизанство – своего рода экзистенциальный лейтмотив его автобиографического *profession de foi*.

Место Вебера в мышлении А.Я. Гуревича не компенсируется ни кем, но легко совмещается с продуктивным методологическим участием историка в антропологическом движении так называемой новой исторической науки – с историками «Анналов», к примеру, с их готовностью трактовать ментальности, социально насыщенные, пластичные умовидения, недоступные схематике законополагающего историзма. По убеждению Гуревича, Вебер и эти позднейшие историки «с разных сторон... подходили к одному и тому – одни на уровне эпистемологии, другие на уровне конкретных исследований» [Гуревич, 2012, с. 111]. Категориальное пространство познавательных взаимодействий у Вебера задается понятием идеального типа [Вебер, 1990, с. 271], – «важнейшим» [Гуревич, 2012, с. 109], позволяющим продуктивно снять противоречие, которое возникает в ситуации несовпадения индивидуальности историка, его предварительно гипотезирующего мышления с теми сведениями, которые он получает, изучая документы. Семантика границы, которая содержится в самом понятии идеального типа, предполагает такое противоречие и затем преобразование, переплавку этого типа – обеспечивает историку свободу *внутри* избираемого им пространства теоретических предположений и первичных категоризаций. «Если собранный конкретный материал, проанализированный и систематизированный, противоречит идеальному типу, следует модифицировать этот идеальный тип. Значит, я начал с неверной предпосылки и ее следует в ходе исследования более или менее или даже коренным образом переработать. А если этот идеальный тип вообще не подходит, нужно набраться мужества, отбросить его и начать исследование, исходя из других предпосылок. Идеальный тип есть, следовательно, не схема, которой надлежит подчинить конкретный материал, а инструмент, при помощи которого его собирают, изучают, систематизируют и обобщают. Но этот инструмент должен знать свое место, и в случае обнаружения непригодности его следует отбросить» [Гуревич, 2012, с. 110].

¹ Ср.: «В трудах Виндельбандта, Риккерта и в особенности М. Вебера было показано, что постигнуть непосредственно так называемую объективную реальность нам не дано, не только потому, что уже прошла и ее нет, но и потому, что ее следы в источниках закамouflированы; источники эти непрозрачны, нуждаются в расшифровке, а расшифровка их, проникновение через источники в то, что происходило в прошлом, возможны только в том случае, если мы займемся анализом понятийного аппарата, познавательных средств, которыми обладают историки» [Гуревич, 2012, с. 109].

Методология Вебера с «необычайной настойчивостью» [Гуревич, 2012, с. 110] признает инструментальное достоинство исторических понятий; познавательное настроение, с которым Гуревич пишет об этом, проясняется благодаря двум новеллам – о «прокрустовом ложе» марксизма, дедуцировавшим историзм исторического процесса (или, иначе, предложившим его неизменяемый идеальный тип) [Гуревич, 2012, с. 110], с которым было связано и от которого стремится освободиться, положительно изжить мышление самого Гуревича, и о первом парижском докладе Гуревича, который он решил посвятить М. Веберу и который был понят историками, его слушателями, как нечто академически неуместное или маргинальное – не был отнесен к социальной стороне индивидуальности самого А.Я. Гуревича. Парижский доклад, впрочем, с наибольшей выразительностью показывает и неповторимость веберовского настроения Гуревича, его исходно экзистенциальный статус: «На заседании присутствовала почти вся редколлегия журнала "Анналы", с которой я к тому времени давно сотрудничал. Я не нашел ничего лучшего, как прочитать им лекцию на тему о сходстве и различии между учением М. Вебера и других немецких неокантианцев, с одной стороны, и взглядами Февраля и Блока – с другой... Я кончил свой доклад, молчание, затем одна дама говорит: "Вы не учли, что у нас были и другие учителя – Дюркгейм, например". Дискуссии не возникает, красноречиво молчит Ле Гофф, и его молчание – не знак согласия. Да, Дюркгейм. Но мне неловко было говорить о нем в этой аудитории. Рядом с Францией находилась Германия, где работал Вебер как раз в те годы, когда туда в научные командировки приезжал Блок. Он, конечно, читал Вебера, но свидетельств того, что это произвело на него необходимое впечатление, по-видимому, не осталось. В "Апологии истории" не чувствуется, что он близко знаком с эпистемологией Вебера. Не чувствуется переключка с двух берегов Рейна между французскими "анналистами" и немецкими неокантианцами» [Гуревич, 2012, с. 110]. Инстанцией этой переключки стала, надо полагать, методологическая, социально насыщенная индивидуальность самого А.Я. Гуревича¹.

Историческая антропология к исходу 10-х гг. XXI в. переживает немалые перегрузки – различного рода попытки возвращения к познавательным установкам и практикам, верифицируемым в рамках некогда состоявшейся культурно-исторической рациональности. Оставаясь с нами, А.Я. Гуревич, вероятно, смог бы поставить вопрос и об основаниях, на которых возможно наше возвращение: вернемся ли, минуя тот опыт отнесения к индивидуальному, который сосредоточивается в ближайших к нам по времени и все еще исторически, исследовательски неосвоенных методологических программах «понимающего» отношения к индивидуальности историка? Программа М. Вебера, «универсального ученого, игнорирующего границы дисциплин» [Ростиславлева, 2015, с. 129], трудно воспринимается практикующими историками, предпочитающими реализм «кафедры до суда» [Трубникова, 2004; Radkau, 2013; Dumoulin, 2014]. Впрочем, возвращение предполагает возвращение к истокам познавательного ремесла, к тем навыкам, которые позволят войти в цех мастеров историографии со своим шедевром, – и внятными, и восхищающим своей индивидуальностью. Ценность индивидуального – горизонт исторического мышления, насколько его можно усматривать «после послесовременности», когда историческое

¹ По предположению Арона Яковлевича, парижский доклад все же не остался без последствий: они опознаются в работе О. Демулена о М. Блоке, которую читали А.Я. Гуревичу во время подготовки «Истории историка»: «Из книги Демулена мне прочитали весьма важные в методологическом отношении высказывания Блока по некоторым коренным вопросам истории, которые не нашли отражения в его незавершенной "Апологии истории". Демулен высказывает некоторые соображения относительно сближения линии неокантианства в Германии и линии Блока во Франции, о которой я тогда говорил в Париже» [Гуревич, 2012, с.110–111]. Ср.: [Dumoulin, 2000] (в сквозном тезисе О. Дюмулена – искание М. Блоком некоего «осмоса», познавательного фильтра, который позволял бы очищать практические смыслы исторических исследований).

мышление остается наедине с историей своих понятий, порождает новые познавательные констелляции и как будто начинается заново. Указание на ценность индивидуального, которое содержится в работах А.Я. Гуревича, является драгоценным поводом для осмысления и освоения этого горизонта. «Дискуссия о личности и индивидуальности в истории нуждается в продолжении. Точку ставить рано» [Гуревич, 1990, с. 76].

Список литературы

1. Баткин Л.М. 1989. Итальянское Возрождение в поисках индивидуальности. М., Наука, 272 с.
2. Вебер М. 1990. «Объективность» социально-научного и социально-политического познания. В кн.: Вебер М. Избранные произведения. М., Прогресс: 345–414.
3. Гуревич А.Я. 1990. Еще несколько замечаний к дискуссии о личности и индивидуальности в истории культуры. В кн.: Одиссей. Человек в истории. М., Наука: 76–89.
4. Гуревич А.Я. 2012. История историка. М.-СПб., Центр гуманитарных инициатив, 288 с.
5. Гуревич А.Я. 1998. Культура средневековья и историк конца XX в. (Фрагменты лекций). В кн.: Гуревич А.Я. История мировой культуры: Наследие Запада: Античность. Средневековье. Возрождение. М., Российск. гос. гуманит. ун-т: 238–317.
6. Кнабе Г.С. 1990. Изменчивое соотношение двух постоянных характеристик человека. В кн.: Одиссей. Человек в истории. М., Наука: 9–12.
7. Мильская Л.Т. 1974. А.И. Неусыхин – ученый, педагог, человек. В кн.: Неусыхин А.И. Проблемы европейского феодализма. М., Наука: 7–19.
8. Неусыхин А.И. 1994. Социологическое исследование Макса Вебера о городе. В кн.: Макс Вебер. Избранное. Образ общества. М., Юрист: 658–683.
9. Одиссей. Человек в истории: Личность и общество. 1990. Под ред. А.Я. Гуревича. М., Наука, 222 с.
10. Ольхов П.А. 2018. Историческая реконструкция как диалогический проект: категориально-речевые и нравственные доминанты А.Я. Гуревича. Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, 1 (43): 21–32.
11. Ольхов П.А. 2011. Проблема "чужого Я" в методологии истории А.С. Лаппо-Данилевского (кантовские мотивы). Кантовский сборник, 3(37): 59–66.
12. Ростиславлева Н.В. 2015. Концепция «идеальных типов» Макса Вебера как полидисциплинарный проект. Вестник РГГУ, 9: 122–129.
13. Трубникова Н.В. 2004. Марк Блок: образ идеального историка и вызовы современной Франции. Вестник Томского государственного университета, 281: 190–195.
14. Щедрина И.О. 2013. Культурно-исторический подход А.Я. Гуревича к литературному произведению как источнику исторических знаний о личности. Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, 4: 137–142.
15. Dumoulin O. 2014. Le Rôle social de l'historien: De la chaire au prétoire. Albin Michel, 350.
16. Dumoulin O. 2000. Marc Bloch. Presses de Sciences Politiques, 329 p.
17. Radkau J. 2013. Max Weber: Die Leidenschaft des Denkens. München, Carl Hanser Verlag, 924 p.

References

1. Batkin L.M. 1989. Ital'yanskoye Vozrozhdeniye v poiskakh individual'nosti [Italian Renaissance in search of individuality]. M., Nauka, 272 p.
2. Veber M. 1990. «Ob"ektivnost'» social'no-nauchnogo i social'no-politicheskogo poznaniya [The "objectivity" of socially-scientific and sociopolitical knowledge]. In: Veber M. Izbrannye proizvedeniya [Selected works.]. M., Progress: 345–414.
3. Gurevich A.Ya. 1990. Eshche neskol'ko zamechanij k diskussii o lichnosti i individual'nosti v istorpii kul'tupy [A few more remarks on the discussion of personality and individuality in the history of culture]. In: Odissey. Chelovek v istorii: Lichnost' i obshchestvo [Odysseus. Man in History: Personality and Society]. M., Nauka: 76–89.
4. Gurevich A.Ya. 2012. Istoriya istorika [The history of the historian]. M.-SPb., Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 288 p.

5. Gurevich A.Ya. 1998. Kul'tura srednevekov'ya i istorik kontsa XX v. (Fragmenty lektsiy) [Medieval culture and historian of the late XX century. (Fragments of lectures)]. In: Gurevich A.Ya. Istoriya mirovoy kul'tury: Naslediye Zapada: Antichnost'. Srednevekov'ye. Vozrozhdeniye. [History of World Culture: Legacy of the West: Antiquity. Middle Ages. Revival] M., Russian State humanitarian Univ.: 238–317.
6. Knabe G.S. 1990. Izmenchivoye sootnosheniye dvukh postoyannykh kharakteristik cheloveka [The changing ratio of the two permanent characteristics of a person]. In: Odissey. Chelovek v istorii: Lichnost' i obshchestvo [Odysseus. Man in History: Personality and Society]. M., Nauka: 9–12.
7. Mil'skaya L.T. 1974. A.I. Neusykhin – uchenyj, pedagog, chelovek [A.I. Neusikhin – scientist, teacher, person]. In: Neusykhin A.I. Problemy evropejskogo feodalizma [Problems of European feudalism]. M., Nauka: 7–19.
8. Neusykhin A.I. 1994. Sociologicheskoye issledovanie Maksa Vebera o gorode [Max Weber's sociological study of the city]. In: Weber M. Izbrannoje. Obraz obshchestva [Selected works. The image of Society]. M., Yurist: 658–683.
9. Odissey. Chelovek v istorii: Lichnost' i obshchestvo [Odysseus. Man in History: Personality and Society]. Under the editorship A.YA. Gurevich. 1990. M., Nauka, 222 p.
10. Olkhov P.A. 2018. Istoricheskaja rekonstrukcija kak dialogicheskij proekt: kategorial'no-rechevye i npravstvennye dominanty A.Ya. Gurevicha [Historical reconstruction as a dialogical project: categorical-speech and moral dominants of A. Y. Gurevich]. Gumanitarnye issledovanija v Vostochnoj Sibiri i na Dal'nem Vostoke, 1 (43): 21–32.
11. Olkhov P.A. 2011. Problema "chuzhogo Ja" v metodologii istorii A.S. Lappo-Danilevskogo (kantianskie motivy) [The problem of the "alien Self" in the methodology of A. S. Lappo-Danilevsky's history (Kantian motives)]. Kantovskij sbornik, 3(37): 59–66.
12. Rostislavleva N.V. 2015. Konceptiya «ideal'nyh tipov» Maksa Vebera kak polidisciplinarnyj proekt [Max Weber's concept of "ideal types" as a multidisciplinary project]. Vestnik RGGU, 9: 122–129.
13. Troubnikova N.V. 2004. Marc Bloch: obraz ideal'nogo istorika I vyzovy sovremennoi Frantsii [Marc Block: the image of the ideal historian and the challenges of modern France]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 281: 190–195.
14. Shchedrina I.O. 2013. Kul'turno-ictopicheckij podkhod A.Ya. Gurevicha k litepatyrnomy proizvedeniju kak istochniki ictoricheckikh znaniy o lichnosti [Cultural-historical approach of A. Ya. Gurevich to literary work as a source of historical knowledge about the person]. Gumanitarnye issledovanija v Voctochnoj Sibiri i na Dal'nem Voctoке, 4: 137–142.
15. Dumoulin O. 2000. Marc Bloch. Presses de Sciences Politiques, 329 p.
16. Dumoulin O. 2014. Le Rôle social de l'historien: De la chaire au prétoire. Albin Michel, 350.
17. Radkau J. 2013. Max Weber: Die Leidenschaft des Denkens. München, Carl Hanser Verlag, 924.

Ссылка для цитирования статьи
For citation

Гладков Д.И. 2020. Ценность индивидуального (к истолкованию феноменологии М. Вебера в трудах А.Я. Гуревича). НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право. 45 (1): 164–171.
DOI 10.18413/2712-746X-2020-45-1-164-171

Gladkov D.I. 2020. The value of the individuality (notes on the phenomenology of M. Weber in the last book of aron Y. Gurevich). NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law series. 45 (1): 164–171 (in Russian). DOI 10.18413/2712-746X-2020-45-1-164-171